

© 1997 г. Л.Э. КАЛНЫНЬ

**РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ
И ИХ ДИНАМИКА**

Специфика устройства и функционирования национального языка во всем многообразии его проявлений в каждый период его существования может быть понята при достаточно ясном представлении о стратификации разных форм языка в рамках языковой ситуации. Это предполагает не только каталогизацию форм языка, но и знание об их распределении в обществе, связи с разными коммуникативными ситуациями. Не менее важно и выяснение того, как оцениваются разные формы языка их носителями и обществом в целом – поддерживают, относятся нейтрально, относятся отрицательно. Знание этого существенно и для понимания динамики разных форм языка.

На фоне общего повышения интереса к социолингвистической проблематике особенно заметно, что до сих пор не вполне ясной остается языковая ситуация, характерная для современного русского языка. В каноническое представление, согласно которому русский язык состоит из стандарта и территориальных диалектов, вносят известные коррективы выделение разговорной речи как особой системы, функционирующей в среде носителей литературного языка [Земская 1968], опыт определения статуса городского просторечия и его истоков [Городское просторечие 1984]. Однако с позиций языковой ситуации остается не охарактеризован такой компонент русского языка как территориальные диалекты. Это положение имеет свои истоки и свою историю.

Русские диалекты функционируют в гомогенной среде и контактируют с литературным языком через школу, средства массовой информации, через общение с лицами, репрезентирующими литературный язык. Принято считать, что в таких условиях диалектоносители переходят на литературный язык, а диалекты нивелируются. Этот тезис принимается как бы априорно, поскольку он не всегда подтверждался изучением реального процесса влияния литературного языка на русские диалекты. Это еще в 40-х годах отметила Н.М. Гринкова, написав, что указания на воздействие литературного языка на диалекты "в большинстве исследования выглядят скорее как отписки по поводу материала, не подлежащего изучению"..., а "процесс воздействия литературного языка не изучается и как он происходит – неизвестно" [Гринкова 1947: 177, 183]. Позже, уже в 60–70 годы, эта проблема рассматривалась в [Фонетика... 1968; Баранникова 1974; Диал. и лит. разг. речь... 1974].

Постулат о быстром отмирании русских диалектов особенно утверждался в 30-е гг. и основывался он не на анализе реальной языковой практики, а в очень большой степени обуславливался социально-политической концепцией, сформулированной в русской диалектологии того времени. Считалось, что демократизация культуры в обозримо короткий период приведет к устранению диалектов и повсеместному распространению нормированной/литературной формы языка. В перспективе, очень близкой, виделось такое общество, где языковое поведение человека не несет никакой экстралингвистической информации о говорящем (локальной, социальной, образовательной, возрастной, профессиональной). Уровень сохранения диалектных форм языка прямо связывался с уровнем социально-политической продвинутости общества.

что вытекало из вульгарно-социологической концепции, относящей язык к числу надстроечных явлений, зависимых от базиса [Филин 1938; Чистяков 1935]. Объявлялось, что диалектные формы языка свойственны политически отсталым слоям сельского населения, не охваченным процессом коллективизации. Если же диалектные формы сохраняются, то исключительно благодаря нежеланию отсталых крестьян овладеть литературным языком – "в колхозной же деревне со стороны основной массы колхозников этого противопоставления литературному языку не имеется" [Филин 1938: 173]. Весьма распространенным и долго сохраняющимся оказалось наивное представление, что сам по себе факт грамотности сельского населения является достаточным условием для перехода к литературному языку [Филин 1973: 356; Коготкова 1979: 5]. Надо отметить, что в 30-е годы высказывались и более осторожные прогнозы относительно изменений в русской языковой ситуации. Так, Е.Д. Поливанов писал, что в условиях радикальных социальных сдвигов в "революционную эпоху" для преобразования грамматической системы языка требуется достаточно много времени, исчисляемого несколькими поколениями носителей языка [Поливанов 1968: 196].

Ассоцирование диалектов с сельским населением, не имеющим политической перспективы, официально санкционировало ожидание скорого и полного вытеснения русских диалектов литературным языком. Этот тезис включался в вузовскую подготовку педагогических и научных кадров: отражен он и в "Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" (М.; Л., 1947: 176–178).

Для того, чтобы понять существо процесса, важно определить условия, в которых он протекает. Контакт диалектов с литературным языком может осуществляться в разных условиях и с разной целью. Важно также определить те факторы, которые могут заставить говорящих сознательно перестраивать свой язык (отказываться от материнской речи).

В любом современном обществе наиболее высок социальный престиж литературного языка, как культурного символа нации. Однако на этом фоне степень социальной сниженности территориальных диалектов может быть неодинаковой в разных языках. Колебания достаточно велики: от нежелательности использования диалекта только в строго официальной ситуации до несовместимости диалектной речи с какой-либо претензией на образованность и высокий социальный статус. Если диалект недопустим лишь в официальных ситуациях, то это сопровождается в обществе не только терпимостью к диалектам, но и поддержкой их как форм семейного, неофициального общения. На этом основано известное в немецкоязычной среде литературно-диалектное двуязычие, т.е. переключение кода в зависимости от ситуации [Блумфилд 1968: 66; Жирмунский 1968: 25]. Именно неодинаковый уровень сниженности престижа диалектных форм побудил А. Мартине отразить это в терминологии – абсолютно непрестижные формы названы им "патуа" (patois), а формы, употребляющиеся наряду с литературным языком и подчас имеющие письменную фиксацию – "диалект" [Мартине 1963: 508]. Литературно-диалектное двуязычие предполагает, что в обществе диалектная речь не отождествляется однозначно с отсутствием культуры у ее носителей.

В русской языковой действительности прошлого, когда большая часть населения России была не городской и говорила на диалектах, а социальные барьеры были достаточно жесткими, не было предпосылок для формирования литературно-диалектного двуязычия. Характерным показателем дистанцированности литературного языка от диалекта является то, что русские писатели XIX в. даже при описании крестьянского быта избегали больших диалектных вкраплений, т.е. литературный язык и диалекты представлялись несовместимыми на одной плоскости.

У самих носителей непрестижных форм языка может сформироваться негативное отношение к своему языку, желание его изменить или заменить. Но только в том случае, если индивидuum выходит за пределы своего социума, контактирует с носите-

лями престижных с его точки зрения форм языка и испытывает языковое давление новой среды. Вне таких контактов негативное отношение к диалекту в среде его носителей не складывается и диалект остается достаточно стабильным, успешно обслуживая коммуникативные потребности своих носителей. Вообще отрицательная оценка своего языка спонтанно не формируется – сравни часто встречаемое ироническое отношение диалектоносителей к соседним диалектам, но никогда к своему.

В начале XX в., особенно после 1917 г., русские диалекты были включены в новую языковую политику. Центральным моментом этой политики была социально-политическая компрометация русских диалектов и замена их литературным языком. Овладение литературным языком предполагает, что носители диалекта, встав перед альтернативой выбора из диалектного и литературного варианта одного явления (по Р.И. Аванесову – это компоненты одного соответственного явления [Аванесов 1947]), отдают предпочтение литературному варианту. Собственно к формированию этого стереотипа и сводится проблема замены диалектов литературным языком.

Планомерно внедрению литературного языка призвано служить школьное образование. В случае успешного решения задачи должна измениться языковая ситуация в масштабах национального языка, поскольку из него устраняются территориально ограниченные формы. Вариантом решения той же задачи может быть установление такого соотношения между диалектом и литературным языком, которое определяется как "координативное двуязычие" [Резенцвейг 1972: 10]. Однако, как показала практика, оба желаемых результата не всегда оказываются достижимыми.

Переход от диалекта к литературному языку предполагает сознательный отказ от материнского языка/речи. Такой отказ (если только он не связан с переходом на язык, понятный всем участникам коммуникативного акта, от языка, понятного лишь части участников этого акта) принципиально должен сопровождаться негативной оценкой своего языка. Подобная оценка без труда формируется, если диалектоноситель оказывается в среде говорящих на литературном языке и изолирован от представителей своего диалекта. Престиж литературного языка в такой ситуации безусловен, поскольку "престиж связан с перенесением на одну из лингвистических форм социальных ценностей, приписываемых выработавшей их социальной группе" [Лабов 1976: 21]. Ощущение престижности языкового идиома сопровождается стремлением не выделяться на общем фоне говорящих на этом языке, а стать одним из них. Однако и в такой ситуации носители диалекта не всегда полностью освобождаются от диалектных особенностей в своей речи [Коготкова 1979: 7; Розенцвейг: 5]. Особенно это касается грамматической стороны языка – фонетики и морфологии, в меньшей – степени лексики [Баранникова 1974: 55].

По-другому обстоит дело, если обучающийся литературному языку диалектоноситель живет в коллективе говорящих на диалекте, когда социальный контроль имеет другое содержание, чем в ситуации, описанной выше. В этих условиях престиж литературного языка за пределами школы не самоочевиден. Ощущаемое диалектоносителем отличие своего языка от стандарта не означает обязательно негативного отношения к своему языку. Не исключена даже негативная оценка литературных форм в речи диалектоносителей. Так, иногда попытки отдельных лиц внести орфоэпическую коррекцию в свою речь встречают насмешливое отношение со стороны других носителей диалекта и оценивается как жеманство и претенциозность. В этом случае действует универсальный принцип: "Всякая устойчивая социальная группа – помимо всех других условий своего образования – объединяется общностью языка... Тесная и длительная солидарность не может существовать без этого. А с другой стороны – только при противопоставлении или столкновении с другой группировкой обнаруживается сплоченность коллектива. Язык, таким образом, оказывается всегда фактором социальной дифференциации не в меньшей мере, чем социальной интеграции" [Ларин 1977: 191]. Языковая практика среды становится препятствием на пути отказа от диалекта – правильным считается то, что общепринято.

Контакт диалектов с литературным языком происходит и вне школьного образо-

вания. Это происходит при общении диалектоносителей с лицами, говорящими на литературном языке. При таком контакте отсутствует фактор целенаправленного нормативного воздействия на диалектоносителя. Нормативное значение литературное говорение обретает в том случае, если носитель диалекта будет оценивать его как образец языкового выражения и захочет ему подражать. Склонность к подражанию зависит от разнообразных обстоятельств, связанных как с личностью диалектоносителя, так и говорящего на литературном языке. Для того, чтобы в такой ситуации усвоить явление литературного языка, надо его заметить и понять его отличие от диалектного эквивалента. Сложнее всего для лингвистически неискушенного диалектоносителя уловить существо фонетических и морфологических различий. Специфика устного контакта, характеризующаяся практически отсутствием временного интервала между языковым намерением и его речевой реализацией, затрудняет детальную оценку формальных особенностей речи партнера и возможность коррекции собственной речи. По замечанию Л.В. Щербы – "Сознательность обыденной разговорной (диалогической) речи в общем стремится к нулю" [Щерба 1974: 25]. Поэтому при общем понимании сниженной престижности своего языка и интуитивном ощущении несходства между диалектной и литературной речью в поле конкретного внимания попадет фонетика и морфология отдельных словоформ, произношение которых с большим или меньшим успехом может приближаться к литературному образцу.

Широко распространено мнение, что во внедрении литературного языка в среду диалектоносителей одну из главных ролей играют средства массовой информации – радио и телевидение. Однако это несколько упрощенное представление. Импульс к подражанию аудитивно воспринимаемой речи предполагает сознательную установку на это у аудитора. Эта установка должна сочетаться с полным пониманием смысла слышимого текста. Для носителей русских диалектов литературная форма языка безусловно вполне понятна. Однако восприятие радио- и телеречи имеет свою специфику. Для слушателя язык средств массовой информации принципиально монологичен, поскольку диалог, в котором не участвует аудитор, воспринимается им как монолог, т.е. как речевая деятельность, протекающая без его участия. Форма же монолога, имеющего к тому же определенные отличия от языка аудитора, не обеспечивает полного понимания передаваемой информации. В этих условиях трудно ожидать, чтобы соответствующий текст мог восприниматься как образец для подражания, особенно в фонетическом и грамматическом отношении. Ср. замечание о том, что малое воздействие на слушателей радио- и телепередач "...является прямым следствием того, что не учитывается специфика языкового опыта реципиента и специфика смыслообразования в рамках этого опыта; для эффективного воздействия на слушателя необходим правильный выбор знаковой системы, не противоречащей языковому опыту реципиента... и диалогичность коммуникативного процесса" [Сорокин 1985: 62].

Средства массовой информации как распространители литературной нормы и источники орфоэпической коррекции могут быть эффективны лишь в среде тех диалектоносителей, язык которых уже подвергся целенаправленному воздействию литературной нормы.

В русской диалектологической литературе часто высказывается мнение, что в результате контактов диалекта с литературным языком у носителей диалекта складывается диалектно-литературное двуязычие, т.е. способность в зависимости от ситуации переключаться с одного кода на другой. При этом не уточняется, о каком типе двуязычия идет речь. А между тем, как правильно замечает Л.И. Баранникова, при рассмотрении этого вопроса необходимо, как минимум, различать активное и пассивное двуязычие [Баранникова 1974: 75]. Второе широко распространено и связано с той общей психолингвистической особенностью, согласно которой "способность декодировать сообщения первична и отчасти даже независимо от способности кодировать их" [Вайнрайх 1972: 31]. Существование же активного русского диа-

лектно-литературного двуязычия кажется проблематичным. Такое двуязычие может возникнуть: 1) если между диалектом и литературным языком имеется большое различие, возможно, даже затрудняющее понимание (сходные системы труднее разграничивать, чем сильно различающиеся [Вайнрайх 1972: 31]) и 2) если диалекты обладают не много меньшим престижем, чем литературный язык, но сферы их употребления разные. Именно этими факторами обусловлено немецкое диалектно-литературное двуязычие [Жирмунский 1968: 25].

В русской языковой действительности оба фактора не актуальны. С одной стороны, очевидна близость между диалектами и литературным языком, а с другой – диалекты не относятся к престижным формам. Активное двуязычие может быть определено как правильное и неправильное в зависимости от соблюдения норм двух языков. При близком сходстве диалекта и литературного языка активное двуязычие можно констатировать только в том случае, если оно правильное – вряд ли можно признать литературной русскую речь, содержащую факты диалектной фонетики и грамматики, если даже диалектная лексика и заменена литературной.

Сторонники идеи существования русского диалектно-литературного двуязычия ни в одном из исследований не приводят примеров реализации правильного двуязычия. Чаще всего как аргумент в пользу двуязычия приводится параллельное употребление диалектных и литературных слов носителями диалекта. В этом случае феномен двуязычия ограничивается одним уровнем языка, так как "переключение кода" в словаре отнюдь не всегда сопровождается тем же в фонетике и грамматике. Не говоря о том, что освоение литературной лексики может иметь тематические ограничения – например, как показывают наблюдения, при переселении сельских жителей в город у них обычно сохраняется словарь, связанный с названием растений, реалий сельского быта и под.

Нередко как аргумент в пользу диалектно-литературного двуязычия приводится тот факт, что носители диалекта при разговоре с городскими людьми стараются приблизить свою речь к литературной норме [Коготкова 1979: 13]. Однако в этой ситуации стоит различать языковое намерение и его реализацию, так как часто они не совпадают. Происходит "расхождение между тем, что фактически говорят, и между тем, что думают, что сказали или должны были сказать" [McDavid 1976: 237].

Из сказанного можно заключить, что разного вида контакты, в которые вступают русские диалекты с литературным языком, не приводят к устранению диалекта ни путем его замены стандартной формой, ни путем его включения в диалектно-литературное двуязычие. Для достижения таких результатов необходима специальная форма обучения, где центральное место занимает постановка произношения и внедрение нормативных грамматических правил. В рамках обычной образовательной практики это не может быть предусмотрено.

Сложившаяся в 30-е годы официальная оценка русских диалектов как социально-политически скомпрометированных идиомов (ср. ставшее традиционным выделение отсталого и передового слоев говора [Каринский 1936: 9]) не могла не отразиться на преподавании русского языка в сельской школе. С тем, чтобы ориентировать учащихся на выбор литературных форм, в сельской практике не только разъяснялось многообразное значение литературного языка, что естественно, но и подчеркивался низкий статус диалекта. Так воспитывалось пренебрежительное отношение к материнскому языку без ясного представления о том, к каким социально-психологическим последствиям это может привести. Между тем, отрицательное отношение к своему языку вызывает социальную и культурную неуверенность, затрудняет контакты с представителями городской культуры, нарушает генерационные связи (что сопровождается моральными издержками) и, наконец, просто обедняет речевую деятельность человека. Диалектологи иногда могут наблюдать, что среди сельских жителей наименее способными к монологу, этому наиболее сложному виду речевой деятельности, оказываются молодые люди, прошедшие школьное образование. На опасные последствия прямолинейного выталкивания диалектных форм языка обращалось внимание в

разное время. Так, В. Даль писал в 1852 г. – "...с языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека – это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом, без слов нет сознательной мысли, а есть разве только чувство и мычание" [Даль 1935: III]. Столетие спустя сходную мысль высказывает немецкий лингвист Л. Вайсгербер – "...диалект – это языковое открытие родины... независимая ценность диалектов состоит в том, что они дают гармонию внешнего и внутреннего мира. что они действительно и в сравнении с литературным языком. Диалекты уходят, но пустоты заполняются не литературным языком, а жаргоном" [Weisgerber 1976: 107].

Эти идеи были чужды отечественной практике – бережное отношение к диалекту при обучении литературному языку казалось nonsensом. Между тем овладение литературным языком без обязательного подавления диалекта может стать основой диалектно-литературного двуязычия, способствуя этим психологической уверенности и раскованности речевого поведения носителей диалекта, а также более длительному сохранению диалектов как части национальной культуры.

Уяснив официальное отношение к диалектным формам русского языка, правомерно обратиться к вопросу о том, как сами диалекты реагировали на те социальные процессы, которые имели место в русском обществе в XX в.

В принципе динамика диалекта как языкового идиома может определяться конструктивными (I) и деструктивными (II) факторами.

Факторы (I) проявляются в изменении по внутренним импульсам системы диалекта с учетом внешних стимулов типа контактов с другими языковыми системами, в том числе и с литературным языком; в этом случае диалект изменяется по правилам нормального языкового процесса.

Факторы (II) обуславливают исчезновение диалекта как языкового феномена под влиянием обстоятельств социального и демографического свойства. Это могут быть следующие обстоятельства: 1) иноязычное давление, имеющее целью вытеснить диалект, для успеха чего требуется достаточно жесткая официальная политика (пример этого – исчезновение языка полабских славян, как результат германизации); 2) исчезновение населенных пунктов, к которым привязан диалект и расселение его носителей в другой языковой/диалектной среде; 3) физическое уничтожение носителей диалекта.

Все деструктивные факторы сыграли роль в судьбе русских диалектов. В 30-е годы XX в. широко практиковалось переселение и уничтожение крестьянства в ходе реализации планов индустриализации и коллективизации. Тяжелый удар по сельскому населению России нанесла война. В 70-е годы в связи с кампанией по ликвидации неперспективных деревень также происходило переселение людей из сел, с которыми они исконно были связаны. Все это травмировало традиционно сложившийся диалектный континуум – сокращалась (или разрезалась) территория, заселенная носителями русских диалектов. Так, многие пункты, обследованные по Программе русского диалектного атласа в 40–50-е годы, сейчас не существуют. Исчезли и их говоры. Многие деревни, особенно на русском Севере, находятся на грани исчезновения – настолько сократилось их население.

В то же время в местах, где сельское население было более или менее стабильно, воздействие деструктивных факторов на диалекты проявлялось не так остро. Здесь динамика диалектов ограничивалась рамками собственно языковых/структурных правил. И оказалось, что русские диалекты проявили большую устойчивость и сохраняются как нормально функционирующие системы. Сторонники тезиса о быстром исчезновении русских диалектов отреагировали на этот факт утверждением, что в современном обществе русскому литературному языку противостоит не диалект, а "полудиалект". Этот термин должен фиксировать приближение диалектов к литературному языку в виде образования "структуры, представляющей собою сплав сосуществующих языковых элементов диалекта и литературного языка" [Коготкова 1979: 6]. Однако введение нового термина не меняет содержания языковой ситуации, в

которую включены диалектные и литературные формы языка – то, что называется "полудиалектом", в синхронном плане противостоит литературному языку как диалект.

Устойчивость современных русских диалектов в их фонетике и морфологии предстает как бесспорный факт при изучении речевого поведения населения сел, сохранивших нормальную генерационную структуру. Лексика в диалектах более динамична, но не все новации отражают собственно языковую динамику диалекта – усвоение новых слов вместе с новыми понятиями относится к области экстралингвистики.

Стабильность диалекта в грамматическом плане – это нормальное проявление консерватизма, онтологически присущего любому естественному языку. Сравни в этой связи: «Значительно хуже мы понимаем причину того, почему удерживается архаический тип там, где язык уже имеет удобный образец развития. В литературном языке обычно при исследовании подобных явлений прибегаем к социологическим причинам. Считаем, что изменение в кодификации не произошло потому, что старшее состояние поддерживается приверженностью к традиции, иногда действием рационализаторских намерений, искусственных влияний... В диалекте подобные внешние причины не подходят – диалектная структура обнаруживает тенденцию к сохранению старшего состояния, иногда структурно менее "удобного"» [Chloupek 1973: 20].

Факторы, стабилизирующие структуру отдельных русских диалектов, заслуживают изучения, как самостоятельная проблема. Покажем это на примере некоторых явлений диалектной фонетики.

В русской диалектологии разработана типология звуковых диалектных особенностей. Они делятся на два основных типа – относящиеся к фонетическому слову как к целому (различие в месте ударения) и относящиеся к отдельной звуковой единице (фонематически значимой и фонематически незначимой) [Вопросы теории... 1962: 49]. Эти различия ориентированы на качество дискретных единиц и не исчерпывают специфику фонетических особенностей русских диалектов. Эта специфика проявляется уже на том уровне, который принято относить к досистемным особенностям языка и тем самым как бы выносить за скобки лингвистического анализа. Имеется в виду артикуляционная база. Она как материальный субстрат звукового строя языка формируется в детстве на стадии овладения языком и "является следствием языковой традиции, следствием передачи языка из поколения в поколение" [Зиндер 1979: 80]. Изменение артикуляционной базы в принципе может быть достигнуто лишь путем специальной постановки произношения, цель которой один автоматизм заменить другим, что представляет большую трудность и не всегда достижимо. При этом надо иметь в виду, что элементы артикуляционной базы не поддаются избирательному изменению. Должна меняться общая звукообразующая установка, общая нюансировка речи. С.С. Высотский установил, что севернорусские диалекты при фонематической тождественности систем вокализма различаются артикуляцией гласных. Различия касаются размещения "артикуляционных рядов гласных в более передней или задней части полости рта", "артикуляционных подъёмов в более высокой или в более низкой части полости рта" [Высотский 1967: 9]. Ясно, что орфоэпическая коррекция этих вокальных систем предполагает перестройку артикуляции не одного какого-то гласного, а всех.

Артикуляционная база может препятствовать освоению орфоэпических правил позиционного поведения звуков. Показательна в этом плане устойчивость оканья в одном из говоров Пинежского р-на Архангельской обл. Явление это в принципе более сложно и структурно менее удобно, чем орфоэпическое аканье – различение безударных гласных неверхнего подъема сложнее их неразличения. Тем не менее вопреки социальной престижности аканья, как черты литературного языка, оканье в целом держится устойчиво. Причина в том, что артикуляция гласной неверхнего подъема в говоре уже и напряженнее, чем это предусмотрено орфоэпией. Поэтому литератур-

ный образец типа *dllá, vldá* требует освоения в предупредном слоге чуждого говору гласного, и это тормозит распространение аканья.

Возможности коррекции диалектной фонетики сокращаются, если в характеристику диалектной особенности входит позиционная связанность звуков в их линейной последовательности. Такая связанность означает, что фонетическое слово присутствует в сознании говорящих не как набор дискретных единиц, а задается как фонетический процесс. Регулятором этого процесса в большой мере является антиципация (предвидение) еще не произнесенного сегмента при выборе предшествующего ему звука. Иными словами, импульс к позиционному изменению звука задан в сознании говорящих еще до развертывания звуковой цепи. В этом случае связь между рядом стоящими звуками дистактна. Это показывают факты регрессивной ассимиляции, организация типов безударного вокализма, учитывающих качество сегмента в следующем слоге.

Дистактные связи в линейной последовательности звуков действительно охраняют диалектную фонетику. Отказ от фонетической диалектной черты в этом случае означает не просто замену одного звука другим в данной позиции, но перестройку фонетической программы слова, т.е. практически освоение нового слова. Именно поэтому устойчивы такие модели диалектного предупредного вокализма, как диссимлятивное аканье, умеренное яканье. Заслуживает внимания тот факт, что стабилизирующий потенциал дистактных связей может включаться при нарушении такого диалектного явления, которое в своем исходном виде не регламентируется связями такого рода. В русской диалектологии известны факты, когда в говоре при нарушении модели оканья выбор предупредного гласного неверхнего подъема начинает ориентироваться на качество гласного под ударением [Пауфошима 1978; Кириллова, Новикова 1988: 69]. Исходно в модели оканья не предусмотрены дистактные связи в звуковой цепи. Для аканья этот фактор в виде учета места ударения – актуален. При перестройке оканья в сторону орфоэпического аканья в программу слова включается не только место ударения, но и качество гласного под ударением. Известно, что замена *o* гласным *a* в предупредном слоге при отходе от оканья раньше всего происходит перед слогом с ударным *a* и, напротив, *o* дольше всего сохраняется перед слогом с лабиализованными гласными.

Насколько действительно дистактные связи в звуковой цепи охраняют диалектную фонетику, показывает разная устойчивость позиционно свободной и позиционно обусловленной частей одной и той же диалектной особенности. Так, при замене фрикативного *ɣ* взрывным *g*, как правило, сохраняются результаты оглушения *ɣ* в *x*. Внешне устранение *x* в примере типа *sn'ex* и замена его согласным *k* не связаны с овладением неизвестной артикуляцией или новой последовательностью сегментов (ср. *rak, tak, p'esók*). Речь идет об овладении новой фонетической программой слова, при которой звонкий заднеязычный перед паузой должен заменяться глухим взрывным, а не фрикативным согласным. Но овладение новой программой как новым динамическим стереотипом значительно сложнее, чем освоение нового звука.

Устойчивы и практически не поддаются обычной орфоэпической коррекции такие диалектные черты, которые охраняются как артикуляционной базой говора, так и фонетической программой слова. Пример этого дают изменение *v* → *ɥ* перед согласным и на конце слова (*d'éva* → *d'éɥka, drová* → *droɥ*), недопустимость мягких губных на конце слова (*kroɥ, óz'im, sup*). Эти явления фонетики поддерживаются: 1) отсутствием навыка переключения лабио-дентального сближения в согласный и паузу – такое переключение возможно лишь из билабиального сближения; трудностью переключения палатализованности в губном ряду в паузу – такой переход возможен лишь от твердого согласного, чем и объясняется замена мягких губных твердыми на конце слова; 2) произносительной программой, включающей момент антиципации при выборе консонантной лабиальной артикуляции. Если предусмотренная этой антиципацией мена согласных губного ряда не происходит, то для говорящих это авто-

матически сигнализирует иной сегмент после губного согласного – не пауза и не согласный.

Охранять фонетику диалекта может его общий фонетический контекст.

Пример этого дает упомянутый говор Пинежского р-на, где весьма устойчиво мягкое цоканье. Существует мнение, что переход от цоканья к различению зубной и переднеязычной аффрикат сопряжен с освоением неизвестной носителям диалекта артикуляции – шипящей аффрикаты [Колесов 1975: 14]. Другая сложность состоит в том, чтобы правильно распределить свистящую и шипящую аффрикаты. Для носителей рассматриваемого говора артикуляция шипящей аффрикаты известна. Переднеязычная корональная аффриката *š* произносится: 1) в составе сочетания *šč*, соответствующего литературному *š'*; 2) на месте *t* перед *š* (*očšaxn'is, mláčšej, samošéčšej*) и после *š* (*šcanú, ščóru, ščúka* = щука и штука). Имеется палатальная аффриката *č* в виде позиционной замены *t* после *š* (*ščénók* = тень). Хотя аудитивно аффриката *č* близка к палатализованной переднеязычной *č'*, тем не менее как эквивалент орфоэпической аффрикаты носителями говора она не воспринимается, возможно, благодаря ее узкой позиционной связанности. Отход от мягкого цоканья к орфоэпическому различению аффрикат должен сопровождаться заменой *c'* на *s*. Эта артикуляция известна в виде позиционной замены *t* перед *s* (*pocsadíť, p'acsót, ocsúnulas*).

Таким образом, фонетика говора обладает ресурсами для введения различения свистящей и шипящей аффрикаты. Но программа введения *č'* и *s* разная. Для *č'* надо элиминировать позиционную обусловленность шипящей аффрикаты *č* и повысить у нее тон, т.е. заменить корональную форму языка плоской. Для *s* надо также элиминировать позиционную обусловленность твердой зубной аффрикаты и заменить твердой аффрикатой мягкую. По-видимому, замена *c'* на *s* для носителей говора является более трудной, чем введение шипящей аффрикаты, так как *s* перед гласными появляется очень редко.

Устойчивость мягкого цоканья в говоре с точки зрения фонологии алогична. Аффриката *c'* является единственным переднеязычным палатализованным согласным. Как таковой он ассимилирующе воздействует на предшествующий *š* – *košéc' → kos'c'á, šec'ds → s'c'as*, т.е. спирант из палатального ряда переходит в зубной. При заполненности палатального ряда взрывными и фрикативными согласными можно было бы ожидать: 1) передвижения согласного *c'* в палатальный ряд, т.е. его изменения в *č*, который известен как позиционная замена *t*; 2) отвердения *c'* в *s*. Однако ни того, ни другого не происходит – нарушение правила мягкого цоканья проявляется в отдельных случаях в произношении *č, č', č'* на месте *c'* при редкой замене *c'* на *s*. В целом же *c'* держится устойчиво. Эта устойчивость обеспечивается общим звуковым контекстом диалектной речи. Присутствие палатальных фрикативных *š, ž*, сочетаний *šč, ždž*, аффрикат *č, ž* (из *t, d* после *š, ž*) создает общую шепеляво-шипящую нюансировку речи в этом диалекте. Артикуляционный контраст этой тотальной шепелявости создают фрикативные *s, z* и свистящая аффриката *c'*. Для носителей говора этот артикуляционный контраст привычен и, наоборот, ощущение произносительного дискомфорта может возникнуть при замене *c'* шипящей аффрикатой *č*, для чего в фонетике говора имеются ресурсы. Это пример того, как общий фонетический фон говора охраняет позиционно необусловленное и внешне казалось бы легко поддающееся орфоэпической коррекции диалектное явление фонетики.

Сказанное позволяет сделать следующий вывод. Социально-политические процессы, характерные для русского общества в первой половине XX в. (включая 70-е годы), вызвали изменения в русском диалектном континууме, сократив его насыщенность диалектными идиомами. В то же время диалекты, существовавшие в условиях территориальной и временной преемственности вопреки официальной языковой политике демонстрируют структурную устойчивость (консерватизм), естественно приносящую живому языку. Это заставляет с сомнением относиться к тезису, согласно

которому русские диалекты в современной языковой ситуации якобы занимают периферийное место, отведенное языковым реликтам. Территориальные диалекты – это варианты современного русского языка, которые для значительной части его носителей являются нормальным средством коммуникации. Русские диалекты, как любой язык, осуществляя духовную преемственность нации, являются феноменом культурного национального наследия, а сохранение диалектов отнюдь не является проявлением отсталости языка или несостоятельности культурных сил, действующих в обществе.

Понимание того, что в современной языковой ситуации русские диалекты занимают существенное место, оставаясь основным оппонентом литературного языка, предъявляет определенные требования к их изучению. Диалект следует изучать как полноценный языковой идиом, исключив дифференциальный подход в анализе его структуры. Только при этом условии можно получить представление об устройстве и функционировании диалекта, его реакции на контакты с литературным языком и другими диалектами, содержательно прогнозировать и понимать динамику диалекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов В.И. 1947 – Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // ИАН СЛЯ. 1947. № 3.
- Баранникова Л.И. 1974 – Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1974.
- Блумфилд Л. 1968 – Язык. М., 1968.
- Вайнрайх У. 1972 – Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VII. М., 1972.
- Вопросы теории... 1962 – Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962.
- Высотский С.С. 1967 – Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- Городское просторечие... 1984 – Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984.
- Гринкова Н.П. 1947 – Воронежские диалекты. М., 1947.
- Даль В. 1935 – Толковый словарь. М., 1935 [Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: М., 1880].
- Диал. и лит. разг. речь... 1974 – Диалектная и литературная разговорная речь. Волгоград, 1974.
- Жирмунский В.М. 1968 – Проблемы социальной дифференциации языков // Язык и общество. М., 1968.
- Земская Е.А. 1968 – Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968.
- Зиндер Л.Р. 1979 – Общая фонетика. М., 1979.
- Каринский Н.М. 1936 – Очерки языка русских крестьян. М.: Л., 1936.
- Кириллова Н.В., Новикова Л.Н. 1988 – Активные процессы в фонетике современных русских народных говоров. Калинин, 1968.
- Коготкова Т.С. 1979 – Русская диалектная лексикология. М., 1979.
- Колесов В.В. 1975 – Расшировка системы современного говора (на материале севернорусского цоканья) // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л., 1975.
- Лабов У. 1976 – Единство социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Ларин Б.А. 1977 – История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
- Мартине А. 1963 – Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Пауфошима Р.Ф. Перестройка системы предупредительного вокализма в одном вологодском говоре // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978.
- Поливанов Е.Д. 1968 – Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Розенцвейг В.Ю. 1972 – Языковые контакты. Л., 1972.
- Сорокин Ю.А. 1985 – Психолингвистический аспект изучения текста. М., 1985.
- Филин Ф.П. 1938 – Исследования по лексике русских говоров. М.: Л., 1938.
- Филин Ф.П. 1973 – Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии // Славянское языкознание. VII Международной съезд славистов. М., 1973.
- Фонетика... 1968 – Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.
- Чистяков В.Ф. 1935 – К изучению языка колхозника. Смоленск, 1935.
- Щерба Л.В. 1974 – Языковая система и языковая деятельность. М., 1974.
- Šloupek J. 1973 – Aktuální otázky dialektologie // Jazykovědné Symposium 1971. Brno, 1973.
- Mc David R.J. 1976 – Eine Theorie des Dialekts // Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1976.
- Wiesgerber L. 1976 – Die Leistung der Mundart im Sprachganzen // Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1976.